

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXIX
БОРИС ИВАНОВИЧ ПАНКРАТОВ
МОНГОЛИСТИКА. СИНОЛОГИЯ. БУДДОЛОГИЯ

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
1998

«ЮАНЬ-ЧАО МИ-ШИ» И ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ ТЕКСТА И ПЕРЕВОДА ЭТОГО ПАМЯТНИКА

Что такое ЮЧМШ? ЮЧМШ — это полуэпическое, полулегендарное, ^{п. 1} полуисторическое повествование о предках монгольского царского рода, о племенных взаимоотношениях, существовавших в период, предшествовавший объединению под властью Чингиса, о жизни и деятельности самого Чингиса и о царствовании Угэдея, не захватывая смерти последнего. В основном ЮЧМШ является хроникой деятельности Чингиса, ибо из 282 параграфов, на которые делится книга, первые 68 отведены событиям предшествующей эпохи, следующие 200 Чингис-хану и 14 Угэдею или из 12 цзюаней (глав из 50 листов каждая) 10 посвящены Чингису, а 2 всему остальному.

Чем это произведение ценно для науки

ЮЧМШ дает историку обильнейший материал о разных сторонах монгольской жизни XII—XIII вв. (Б. Я. Владимирцов, Общ[ественный] строй монголов, стр. 7—8) [3], чем не может похвастаться официальная история Юаньской династии — Юань-ши, особенно когда дело идет об эпохе, предшествующей Чингису, и о первых временах монгольского владычества¹.

Для литературоведов ЮЧМШ является древнейшим, ценнейшим памятником монгольского эпоса, дошедшим до наших дней.

В каком виде дошел до нас этот памятник

Монгольский текст ЮЧМШ дошел до нас транскрибированным при помощи китайских иероглифов с подстрочным переводом текста на китайский язык и дополнительным связным, местами несколько сокращенным китайским переводом каждого параграфа, на которые разбит текст. //

Как европейцы познакомились с этим памятником

п. 2

Честь ознакомления европейской науки с этим памятником принадлежит нашему выдающемуся синологу прошлого века Палладию Кафаро-

---

¹ Авторы «Юаньши» Сун Лянь и Ван Вэй, жившие в конце Мин, почти не пользовались монгольскими текстами [13, с. 26].

ву, который в 1866 году в IV томе «Трудов Членов Российской Духовной Миссии в Пекине» опубликовал перевод китайского связного текста под заглавием «Старинное Монгольское сказание о Чингис-хане».

История текста

Какова же история этого дошедшего до нас текста, почему этот монгольский текст представлен в таком необычном оформлении, т. е. в транскрипции китайскими иероглифами, да еще с китайским переводом?

Ответы на все эти вопросы, казалось бы, вполне естественно искать и получить во введении к академическому изданию текста и перевода ЮЧМШ, вышедшему в 1940 г. Но, к большому нашему удивлению, истории текста С. А. [Козин] не счел возможным уделить даже хотя бы несколько строк, и поэтому, чтобы восполнить этот пробел и для большей ясности в дальнейшем изложении, я остановлюсь на несколько минут на истории текста.

Свержение Юаньской династии и изгнание монголов из Китая не обеспечили еще китайцам полного спокойствия на окраинах (в 1355 г. Чжу Юань-чжан поднял восстание, в 1368 г. [он] воцарился под годами правления Хун У). Непрерывные войны с монголами требовали, с одной стороны, достаточного количества войск на границах, опытных в ведении войны с кочевниками, с другой — определенного контингента лиц, владеющих монгольским языком, способных выполнять дипломатические поручения.

И вот в 15 году правления Хун У (1382) император отдал распоряжение членам Хань-линь-юаня (китайская Академия Наук) Хо Юаньцзе и Ма-ша И-хэ составить учебник монгольского языка для китайцев и перетранскрибировать ЮЧМШ китайскими иероглифами. По окончании работы тот и другой труд было приказано напечатать для того, чтобы ими могли пользоваться китайские посланцы к монголам. Учебник был готов и напечатан в 22 году правления Хун У (1389) и состоял из словаря в 844 слова и текстов для чтения, составленных из образцов официальной переписки китайского императора с монголами и различных монгольских предводителей с китайским императором в количестве 12 документов. Весь текст учебника был напечатан в китайской транскрипции. Точно так же был напечатан и текст ЮЧМШ, но в то время, как учебник дошел до наших дней в количестве 7 точно датированных экземпляров оригинального минского издания, хранящегося в Пекинской Национальной Библиотеке, от печатного ЮЧМШ сохранился лишь фрагмент в 45 листов, и потому мы лишены возможности точно установить дату его напечатания. //

л. 3 Кто же такие были Хо Юань-цзе и Ма-ша И-хэ? Почему было поручено именно им составление учебника и перетранскрибирование ЮЧМШ? Можно ли доверять им в транскрипции монгольских слов китайскими иероглифами, их умению точно передать в подстрочном китайском переводе значение каждого монгольского слова в данном контексте, их способности связно и точно изложить по-китайски содержание каждого параграфа?

Хо Юань-цзе был монгол, родившийся в Китае, занимавший уже официальный пост при Ю[аньской] Д[инастии], великолепно владевший монгольским языком и не менее хорошо китайским; о последнем мы можем

судить по тому, что он занимал пост «Ши-цзян», т. е. толкователя при Хань-линь-юань (Академия Наук), дававший лишь лицам, занявшим на дворцовых экзаменационных испытаниях на звание доктора три первых места.

Относительно происхождения Ма-ша И-Хэ у меня сведений не имеется, но по имени следует предположить, что он был монгол. Он известен как переводчик на китайский язык трудов по астрономии с «языков западных стран»; под таким названием у китайцев с давних времен известен Восточный и Западный Туркестан. Ма-ша И-хэ занимал при Хань-линь-юань пост «бянь-сю цин» (1), т. е. редактора, дававший также одному из трех первых докторов. Эти, хотя и скудные, биографические данные вполне объясняют, почему именно этим двум лицам была поручена такая ответственная лингвистическая работа, и в то же время является для нас гарантией, что как транскрипция, так и оба перевода (подстрочный и связный) сделаны настолько точно, насколько это было в силах для двух членов китайской Академии Наук в XIV веке, владевших в совершенстве монгольским и китайским языками, не пройдя курса современной фонетики. //

п. 4

Любопытно отметить, что Хо Юань-цзе использовал все бывшие в его распоряжении средства для уточнения передачи монгольских звуков китайским письмом и изложил правила своей транскрипции в 6 параграфах введения к Хуа-и и-юй. //

При транскрипции монгольских слов китайскими иероглифами натал- п. 5
киваются на затруднения, а именно в монгольском языке имеются такие звуки, для к[ото]рых нет соответствия в китайских иероглифах. Для передачи указанных звуков я теперь беру наиболее близкие и ниже привожу примеры. Если читатель будет ими пользоваться, то все будет правильно. //

Для того, чтобы облегчить китайцам запоминание многосложных мон- п. 6
гольских слов, авторы в транскрипции монгольских слов китайскими иероглифами применили весьма остроумный // метод вставки мнемониче- п. 7
ских иероглифов. Этот метод заключается в том, что в каждом возможном случае какой-то слог монгольского слова передается иероглифом, по значению близким к значению транскрибируемого монгольского слова. Напр[имер]: //

§ 9 [I—ба1] бу-лу-ган (2) «соболь»; § 3 [I, 2b3] ах-та-с-ту (3) «име- п. 8
ющий мерин»; § 253 [Сюй I, 18b4] у-ла (4) «р. Ула», на-у (5) «р. Нау»¹;
§ 253 [Сюй I, 18b5] тао-у-р му-рэн (7) «река Тор». В данных примерах иероглифы *лу*, *та*, *у*, *му* и *рэн* (*лэн—лянь*) являются мнемоническими: *лу* — «название пушного зерпка», *та* — «ленивая лошадь», *у* — «название реки в пров. Хунань», *му* — «мыть, умываться» и *лянь* — «стуриться, течь»; [они] употребляются в тексте со специальной целью — облегчить изучающему запоминание соответствующих монгольских слов. Во всех случаях, когда в тексте требуется передать только транскрипцию монгольских слогов *лу*, *та*, *у*, *му* и *рэн* без какого-либо намека на значение слова, употребляются <...> те же самые *лу*, *та*, *у*, *му* и *рэн*, но лишённые ключевых знаков «мышь», «лошадь» и «вода»². //

<...>

п. 10,

11

¹ Еще один пример — название реки (6) — Б. И. Панкратов не транскрибировал.

² Почти весь абзац о мнемонических иероглифах дан нами по тексту другого аврианта рецензии — этот текст яснее (см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 214, 1-й вариант, л. 6).

л. 12 Не учтя этих, вполне достоверных китайских исторических сведений (а учесть их не представляло особых затруднений, следовало лишь обратиться к соответствующим источникам) и полагаясь лишь на высказывание А. М. Позднеева в статье «О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юань-чао ми-ши», напечатанной в Известиях ИРАО, т. X, вып. 3—6 1894 г. [10, 248—259], С. А. во введении к своему труду строит гипотезу о существовании в начале XIII в. «китайско-монгольского письма, как национального письма монголов». Иными словами, С. А. желает убедить читателя его труда в том, что монголы были грамотны еще до принятия уйгурского алфавита и что для изображения звуков своей речи они пользовались китайскими иероглифами в качестве знаков.

Если бы эта гипотеза имела хотя бы одно или два подтверждения, это представляло бы большой интерес для науки, т. к. нам до сих пор [было] известно, что все народы, соприкасавшиеся с китайской культурой, принимали от китайцев письменность в неизменном виде, т. е. образование проникло при помощи китайских книг, написанных иероглифами и изучавшимися всеми, желавшими принять китайскую культуру на китайском языке. Это мы видим на примере Японии, Кореи, Аннама¹. Даже те народы, которые приняли китайскую культуру и образование, потом из националистических соображений решившие изобрести свои собственные письменные знаки, и те все же оставались под влиянием китайского иероглифа-идеограммы и создавали свои собственные иероглифы по образцу китайских, но не пользовались китайскими иероглифами в качестве фонетических знаков, т. е. не делали азбуки из иероглифов (тангуты, кидани, джурджени).

Гипотеза С. А. Козина может базироваться лишь на следующих словах Позднеева: «Какими буквами был начертан этот первоначальный текст, на это в нем самом не находится никаких указаний; но принимая во внимание, что в показанный период монголы не имели еще у себя своего собственного алфавита и что их квадратная письменность была изобретена только в 1269 г., т. е. двадцатью девятью годами позже этой первоначальной редакции ЮЧМШ, необходимо предположить, что для изображения его монголы могли воспользоваться только двумя родами письма, бывшими в то время, по свидетельству Мэн Хуна, у них в употреблении, и именно, или алфавитом уйгурским, или китайским. К тому же заключение приводит нас и манифест Хубилай хана, изданный в 1269 году, текст которого находим мы целиком в переводе г. Потье» (цитир. статья, стр. 253) [20]². //

л. 13
л. 14 Как мною уже было указано выше, до нас не дошло полного печатного экземпляра ЮЧМШ и исследователи принуждены сейчас пользоваться рукописными списками, восходящими к двум разным оригиналам: 1) к печатному изданию годов правления Хун У, о котором я только что говорил, и 2) к рукописному экземпляру библиотеки минского императора

¹ Транскрибирование иностранного текста китайскими иероглифами, правда без мнемонических знаков, имело место и в эпоху Цин. Есть рукописный сборник народных песен аборигенов Тайваня — пинпу, написанный таким способом [16, с. 6—15].

² Г. Потье напечатал два аутентичных текста эдикта Хубилая, китайский и монгольский (лакба), дав его перевод на французский с монгольского варианта [20, с. 1—47]. На русский язык с китайского переведен И. Т. Зограф [4, 97—99].

Юн Ло, известной под именем Юн Ло да-дянь, состоявшей из 22 877 книг, переписанных в двух экземплярах по императорскому указу в 1407 году. Один экземпляр этого собрания хранился в Нанкине и был уничтожен пожаром в 1645 году, а другой — в Пекине и погиб почти целиком, за исключением нескольких отдельных тетрадей, во время пожара в 1900 году.

Различие между ними состоит в том, что печатное издание было разделено на 10 цзюаней (тетрадей) основных и 2 дополнительных, рукописный же экземпляр библиотеки Юн Ло делился на 15 цзюаней, по содержанию же и тот и другой экземпляры совершенно идентичны. Причина такого различного деления на главы пока еще не установлена, но китайские ученые придают этому большое значение. Для нас же сейчас это служит руководящей нитью для установления, к какому оригиналу восходит каждая данная рукопись.

Китайские ученые периода Манджурской династии вполне оценили значение ЮЧМШ как исторического источника при тех скудных, а иногда и неточных сведениях, какие представляет китайская история о первых временах монгольского владычества. Начиная с Вань Гуань-дай'я (в 1748 г.), приготовившего сокращение ЮЧМШ под названием Юань-чао ши люэ (опубликованного Ян Фу-ци в 1847 г. в сборнике Чжао-дай цун-шу), все китайские историки, в какой-то мере интересовавшиеся монгольской династией, пользовались ЮЧМШ для своих исследований. С работой над ЮЧМШ в прошлом столетии связаны имена таких крупных ученых, как Цянь Да-синь, Суй Сунь, Чжан Му, Хэ Цю-тао, и наших современников — Кэ Шао-вэня (автора Новой Истории Монгольской Династии), Ван Го-Вэя, Ху Ши и др. //

Несколько рукописных списков ЮЧМШ, конечно, не могли быть достоянием широких кругов китайского ученого мира, но, к счастью, среди библиофилов в Китае существует похвальная традиция опубликовывать имеющиеся редкие рукописи в сборниках, именуемых по-китайски Цун-шу. И китайский перевод ЮЧМШ, таким образом, был опубликован в 1848 году под редакцией Хэ Цю-тао и Чжан Му в сборнике Лянь-юнь-и цун-шу, и с этого-то издания и был сделан вышеупомянутый перевод Палладия на русский язык. Затем, в 1903 году, в сборнике Хуан-чао фань-шу юй-ди цун-шу вторично публикуется текст китайского перевода, но на этот раз с историческими и географическими комментариями Ли Вэнь-тянь'я и, наконец, в 1908 году выходит в свет полное издание ЮЧМШ (т. е. монгольский текст в китайской транскрипции, подстрочный китайский перевод и связный китайский перевод каждого параграфа), приготовленное к печати Е Дэ-хуй'ем по рукописи, принадлежавшей Ма Цзинь-юань'ю.

Я не намерен здесь давать полный список и истории происхождения известных нам рукописей ЮЧМШ, их можно насчитать около двух десятков, находящихся в Китае, Японии и различных странах Европы и потому не вполне доступных нам для тщательного изучения, а укажу лишь на одну, находящуюся в нашем распоряжении, в библиотеке Гос[ударственного] у[ниверсите]та, именно рукопись Палладия, полученную последним в 1872 году от одного из китайских ученых того времени, лично скопировавшего ее с экземпляра, находившегося в Юн Ло да-дянь. Палладий по получении этой копии полного текста ЮЧМШ тотчас же транскриби-

ровал монгольский текст русскими буквами и под каждым монгольским словом дал перевод соответствующих китайских иероглифов китайского подстрочного перевода, сделав т. о. предварительную черновую работу, и едва ли предполагал издать ее в таком виде. Эта рукопись транскрипции Палладия также находится в нашем распоряжении и хранится в РО ИВ АН, и о ней так много говорится С. А. в его введении к ЮЧМШ. Эта рукопись была передана Палладием А. М. Позднееву, в свою очередь перешедшему в 1878 г. ее в библиотеку Петербургского университета.

Интерес к ЮЧМШ как к древнейшему монгольскому источнику по языку и истории монголов побудил ИРАО-во в 1881 году вынести постановление об издании рукописи Палладия фотолитографическим путем и снабдить переводом, который должен был сделать А. М. Позднеев. Но это благое пожелание не вышло из стадии протокольных записей. Далее нам известна попытка А. М. Позднеева издать ЮЧМШ обыкновенным литографским способом, но это издание осталось незаключенным, и о размерах выполнения сведений не имеется, т. к. не сохранилось ни в одной из наших библиотек полного комплекта листов. В 90-х годах А. М. Позднеев опубликовал первую тетрадь // ЮЧМШ (96 параграфов) в качестве пособия к своему университетскому курсу [11]. В «Обзоре деятельности Общества Востоковедения» с 1900 по 1907 год, в списке трудов, находившихся в стадии «печатания», мы находим «Древнейший китайско-монгольский памятник исторической литературы монголов ЮЧМШ», но, насколько известно, дело ограничилось помещением этого извещения. В 1914 г. ИРАО-во выносит еще раз постановление относительно ЮЧМШ, но на этот раз в связи с тем, что в Китае уже появилось печатное издание Е Дэ-хуй'я, было предположено опубликовать лишь монгольский текст с переводом и примечаниями¹.

Последняя попытка в данном направлении была сделана уже во время войны в Монголии. Тогда Автономное Монгольское П[равительст]во приступило к изданию разного рода сочинений на монгольском языке, и в план издательства была включена и ЮЧМШ. Подготовка памятника к печати была поручена моему первому учителю монгольского языка Цэндэ-гуну, который по печатному изданию Е Дэ-хуй'я переложил монгольским алфавитом весь текст. Но, к сожалению, дело на этом и остановилось, и текст Цэндэ-гуна остается до сих пор в рукописи, копия с которой имеется у нас в Рук[описном] Отделе Института Востоковедения и которой пользовался С. А. при издании «Сокровенного Сказания».

В 39 году Мэйдзи (1906 г.) в Японии был опубликован полный перевод ЮЧМШ на японский язык, сделанный Нака.

Затем ЮЧМШ привлекает внимание всем вам известного П. Пеллио, который уже в 1920 году приготовил восстановленный текст нашего памятника, но до сих пор по некоторым причинам не решается опубликовать его.

В 1928 году над ЮЧМШ начал работать проф. Э. Хэниш, и уже в 1937 году им был издан полный восстановленный текст в латинской транскрипции по изданию Е Дэ-хуй'я, а в 1939 году также и полный словарь к ЮЧМШ.

---

¹ Об истории работы А. М. Позднеева над «Юань-чао би-ши» и попытках издания текста см. [3, с. 6], [6, 234—235].

Вот в каком виде обстояло дело с ЮЧМШ до появления труда С. А. Козина. //

Введение

л. 17

Выход в свет полного текста и перевода ЮЧМШ является одним из крупнейших событий в области востоковедения. Над ЮЧМШ работали и работают и в Китае, и у нас в Союзе, и в других европейских странах. И мы справедливо должны гордиться, что виновником выполнения такого монументального труда является наш советский ученый; это является достижением нашей советской востоковедной науки. Но принадлежность к числу работников советской науки в то же время и налагает на нас обязанность строго критически относиться ко всем нашим трудам, требовать от них наивысшей возможной точности и аккуратности; никогда не забывая, что наша наука должна быть передовой наукой.

Труд С. А., конечно, в самое ближайшее время вызовет отклики в печати как у нас, так и за границей, и потому мне казалось бы не совсем лишним, чтобы первые отклики раздались в стенах нашего института, из которого вышла сама работа.

К разбору труда С. А. я подхожу с теми требованиями, которым он должен удовлетворять согласно предисловию и введению и которые, следовательно, вправе к нему предъявлять рядовой читатель.

Предисловие говорит, что «издание полного текста, перевода и исследования Сокровенного Сказания — труд, требующий огромного напряжения, а главное чрезвычайно широких познаний в китайском и монгольском языках...

Выполнение этой задачи блестяще удалось нашему советскому ученому С. А. Козину...

Только теперь историки получают надежный материал для своих исследований... О лингвистах, занимающихся историей монгольского языка, нечего и говорить: им этот древнейший памятник монгольского языка был до сих пор, вообще, недоступен. А литературоведы тоже только теперь получают не только прекрасно поданный материал, но и ценное исследование памятника». //

«Труд С. А. Козина представляет собою исключительное явление в истории монголоведения не только по своим масштабам, но и по качеству работы, обнаруживая многосторонние и глубокие знания предмета. Мы можем смело утверждать, что в настоящее время едва ли кто-либо мог бы выполнить эту работу с таким же успехом, как С. А. Козин» (Н. Н. Поппе).

В дальнейших своих замечаниях я и намереваюсь рассмотреть, насколько труд С. А. удовлетворяет требованиям лингвистов и историков и в какой мере приложены здесь были С. А. современная синология и монголистика. //

Мне кажется, что в предисловии не совсем точно заявлено, что «этот древнейший памятник монгольского языка был до сих пор вообще недоступен (для лингвистов)».

С 1937 года имеется уже прекрасное издание текста ЮЧМШ в латинской транскрипции, сделанное Хэнишем [Э.] (уже не говоря о рукописном

экземпляре транскрипции Палладия, которой пользовались все наши исследователи этого памятника).

И, конечно, новое издание текста в 1940 г. в издании АН СССР при учете всего, сделанного предшественниками, должно стоять на уровне требований современной науки. //

н. 20 **Текст.** Мне кажется совершенно излишним говорить здесь о том, как следует издавать восточный текст в транскрипции знаками латинского или русского алфавита, напомним лишь об одном основном принципе, который мы заставляем запоминать каждого студента, а именно: одним знаком нашей транскрипции должен всегда обозначаться один и тот же знак данной восточной письменности. Отступления от этого правила допустимы лишь при условии, что в каждом отдельном случае будет дано оригинальное написание и оговорка автора транскрипции, почему он считает правильным предлагаемое им свое собственное чтение, а не чтение оригинала. В таком случае мы будем иметь действительно научную транскрипцию, к которой каждый лингвист, занявшийся исследованием данного текста, будет относиться с доверием. Это особенно важно при издании текстов на языках и диалектах, мало или совсем не исследованных, где необходимо тщательно учитывать каждый фонетический вариант, данный в оригинальном тексте.

н. 21 Монгольский текст ЮЧМШ был переписан китайскими иероглифами между 1382 и 1389 годами и передает звуки монгольской разговорной речи, как она звучала в устах Хо Юань-цзе и Ма-ша И-хэ, при помощи китайских знаков, которые должны читаться так, как они читались в Северном Китае в конце XIV века. Так как каждый китайский иероглиф представляет один слог, произносящийся всегда одинаково, то и мы при перетранскрибировании этого текста знаками нашего алфавита обязаны каждый слог всегда и везде писать одними и теми // же знаками. Следовательно, для научного восстановления текста ЮЧМШ и транскрипции, доступной каждому, а не только китаисту, существует только один путь, необходимо:

1) учесть старое чтение иероглифов

2) учесть диакритику, расставленную авторами китайской транскрипции

3) не изменять по своему усмотрению чтения иероглифов.

При соблюдении этих условий мы получим восстановленный текст, приближающийся к оригинальному произношению настолько, насколько вообще всякая грубая транскрипция в состоянии передать звуки другого языка.

н. 22 Когда мы обращаемся к тексту С. А. и тем частям введения, которые касаются текста, и пытаемся выяснить, какие же принципы были положены в основу академического издания, то ответа на этот вопрос не находим. //

При издании текстов, по давно уже установившейся традиции, принято обычно указывать, что для издания использованы такие-то манускрипты, в манускриптах имеются такие-то разночтения и т. п. Может быть, такой способ издания устарел и не годится для современного акад[емического] издания, но во всяком случае отсутствие таких указаний во введении к «Сокровенному Сказанию» заставляет пожалеть об этом. //

С. А. говорит, что он «штудировал весь текст памятника», к каковой л. 23 работе были привлечены манускрипты П. Кафарова, текст китайской транскрипции Е Дэ-хуй'я, текст с комментариями Ли Вэнь-тяня, монгольская рукопись «Алтан тобчи нова» и т. д. То есть, С. А. имел в руках три текста ЮЧМШ: печатный Е Дэ-хуй'я, рукопись китайской транскрипции кит[айского] текста (?) П. Кафарова и текст Ли Вэнь-тяня, при наличии каковых он имел возможность дать нам критическое издание памятника по трем текстам, так же, как это сделал Haenisch.

Особенно интересным для советского востоковедения является нахождение в руках С. А. текста Ли Вэнь-тяня. Насколько мне известна литература [о] ЮЧМШ, Ли Вэнь-тянь своего текста никогда не издавал, а потому нахождение его рукописи в Советском Союзе является открытием для нашего востоковедения, и я надеюсь, что С. А. сегодня, хотя бы вкратце, сообщит о местонахождении этой рукописи и даст ее общую характеристику. //

Но по какой-то неизвестной причине такого издания текста С. А. нам л. 24 не дает, хотя он «при выполнении своей задачи» и «штудировал все оригинальные материалы, как манускрипты, так и печатные издания».

Остается неизвестным даже, какой, хотя бы один, из имевшихся у него текстов лег в основу его работы.

Не совсем понятны только при знакомстве С. А. с первоисточниками, перечисленными выше, его высказывания.

ЮЧМШ при Юаньской дин[астии] никогда не издавалась и не могла издаваться, так как являлась секретной (см. Ю[ань]-ш[и]).

Тобчиян. В Юань-ши дважды встречается Тобчиян как название кни- л. 25 ги, содержащей деяния Чингис-хана.

1) В биографии Ча Хан'я сообщается о переводе Тобчиян на китайский язык под названием (Шэн у кай тянь цзи) (8). //

2) Затем в биографии Юй Цзи говорится о Тобчиян, написанной квад- л. 26 ратным письмом. Тут же упоминается, что эта книга недоступна посторонним и не может выноситься из хранилища¹. //

Незнакомство с основными источниками

л. 27

с. 9, начало введения.

Рукопись П. Кафарова, копия с печатного экземпляра XIV века (см. В. Л. Котвич, К изданию ЮЧМШ, Зап[иски] Колл[егии] Восто[коведов], т. I, 1925, стр. 233—241).

Но рукопись является копией с Юн Ло да-дянь. //

С. А. на странице 9 в самом начале своего «Введения в изучение па- л. 28 мятника» говорит о Е Дэ-хуй'евском издании ЮЧМШ («изд[ание] Гуань Гутан по рукописному экземпляру Юаньского периода с предисловием издателя Е Дэ-хуй'я»). Но если бы сам он читал предисловие Е Дэ-хуй'я к этому изданию, находящееся в I томе на 1-й странице, а не пользовался сведениями из вторых рук, то он бы не решился сделать печатно такого заявления. Транскрипционного текста не могло быть при Юаньской дина-

¹ Китайский литератор Сюй Южэнь, служивший при Юань, писал: «То, что называется "Го-шу", есть Тобчиян. Последняя секретна» [13, с. 11].

стии. Юаньская рукопись ЮЧМШ еще никогда не была найдена. Если же и произойдет такое событие, то оно наделает шума во всех ученых кругах. //

л. 29 Стр. 11, начало. Говорится о печатном издании (ЮЧМШ) Юаньского периода, т. е. о фрагментах ЮЧМШ минского издания. //

л. 30 С другой стороны, во введении хотя и очень часто упоминается рукопись работы по восстановлению текста ЮЧМШ русской транскрипцией, сделанная Палладием в 1872 г., но о ней говорится как о «далекой от совершенства русской транскрипции П. Кафарова» (стр. 27). Следовательно, это не может быть и работа Палладия, изданная С. А., да в таком случае, очевидно, и было бы на титульном листе указано, что это текст П. Кафарова, изданный и переведенный С. А. Козиным.

Итак, читатели-лингвисты оставлены С. А. в полном неведении, какой текст ЮЧМШ дается им в академическом издании. //

л. 31 Посмотрим теперь, каким же методом пользуется С. А. при восстановлении монгольского текста ЮЧМШ, написанного китайскими иероглифами? //

л. 32 В том же введении С. А. высказывает не совсем понятные для лингвиста и китаиста положения (стр. 27) по этому поводу: «Из всех суждений по вопросам транскрипции наименее приемлемыми, с моей точки зрения, представлялись те, которые сводились к желательности и даже необходимости полностью отразить в транскрипции памятника все те фонетические особенности, которые свойственны китайским идеограммам вообще и их звучанию в китайских диалектах (или диалекте) XIII в. в частности. //

л. 33 Не говоря уже о том, что этой темы хватило бы на совершенно специальное заседание группы специалистов, и притом на весьма продолжительный период времени, необходимо заметить лишь, что, на мой взгляд, подобная постановка вопроса могла бы иметь место лишь в отношении какого-либо фонетически закрепленного китайского разговорного текста, а не в отношении тех китайских знаков, которые при этом адаптированы, вероятнее всего, самими же монголами в качестве условных звуковых символов, имеющих лишь тенденцию к изображению на письме звуков монгольской речи, с ее совершенно чуждой фонетической системой...

При восстановлении монгольского текста памятника я предпочел идти по следам всех работавших в этой области ученых, а именно П. Кафарова, Котвича, Пеллио, Б. Я. Владимирцова, Хэниша, из которых никто, для подобной же цели не делал попыток точного воспроизведения совокупности китайских фонем (вроде цзи-цзи-сы, хэ-хань, то-ча-ань, дунь-да, хэ-ча и т. п.), для чего пришлось бы прежде всего изобрести специальную транскрипционную систему, так как существующими в настоящее время в монголистике не покрывались бы вновь выдвигаемые потребности».

Но если С. А. не желает читать иероглифы так, как они читались в момент написания ЮЧМШ, то как же он восстанавливает текст? Что же он кладет в основу? Все работавшие в этой области ученые, т. е. и Палладий, и Пеллио, и Хэниш читали иероглифы не в современном их пекинском произношении, а давали чтение, по возможности приближавшееся к минскому времени. И если С. А. «предпочел идти по следам всех работавших в этой области ученых», то он, очевидно, должен был учесть все достоинства и недостатки работ своих предшественников, а в особенности текст ЮЧМШ, изданный Хэнишем в 1937 году (изданный, надо сказать, со всей немецкой аккуратностью, по мере сил и умения Хэниша, где

работа была проделана одним лицом, а не группой специалистов), т. е. за три года до выхода в свет «Сокровенного Сказания» и дать нам лучший с точки зрения транскрипции текст памятника, уточнив по возможности чтение каждого иероглифа. //

И здесь, как и при вопросе о происхождении изданного текста, С. А. ^{п. 34} нам не дает никакого внятного ответа. //

Если он читал согласно современному северному произношению, то ^{п. 35} Чингис в его транскрипции должен был читаться Чэн-цзи-с, яун (что) — я-вэн, гуун (человек) — гу-вэн, окин (девушка) — ва-цин, иргэн (народ) — и-р-цзян и т. п. //

Но в чтениях, даваемых С. А., и Чингис, и яун, и окин звучат совершенно так, как они должны, если читать иероглифы согласно их минскому чтению. В чем же здесь дело? Почему С. А. противоречит сам себе? //

Обратимся теперь опять к введению и посмотрим, нельзя ли найти ^{п. 37} объяснения в изложении С. А. фонетики памятника. Там имеется фраза (стр. 25): «Таким образом при оценке приемов и методов китайской транскрипции, очень часто надлежит принимать не те звуки, которые в действительности показывают их знаки, но те звуки и знаки монгольского языка, которые она стремится изобразить». Но каким же образом можно транскрибировать звуки какого-то плохо нам фонетически известного диалекта нашей фонетической азбукой, если знаки-то, которыми написан оригинал и которые мы должны переписать своим алфавитом, изображают не те звуки, «которые в действительности показывают их знаки»?

Если диалект нам плохо или совсем неизвестен, а знаки которым[и] он записан, читаются совсем не так, как они должны читаться, то как же мы должны их читать? Что будет подтверждать правильность нашего чтения? Какую научную ценность будет иметь наш восстановленный текст? //

На стр. 23 описывается звук е. «Для слогов, начинающихся с согласной, кроме к, ч, дж¹, китайская транскрипция находит соответствие лишь ^{п. 38} в дифтонге йе, а для слогов, начинающихся с к, ч, дж, в гласном среднем между русскими э и о. Нет поэтому надобности передавать литерально: дйе-мйей, дйей-сйечен, а так же, как и мы: демей, дей-сечен». Т. е., согласно С. А., в китайском языке отсутствовали (и, очевидно, отсутствуют) слоги бэ, бэн, гэ, гэн, дэ, дэн и т. д., место которых занимают йотированные бйэ, бйэн, гйэ, гйэн, дйэ, дйэн и т. д., но такое явление противоречит как истории китайского языка, так и современному его состоянию.

Демей и дэй сечен, приводимые С. А. в качестве примеров — первый является словом, ни разу не встречающимся в тексте ЮЧМШ и поэтому может приводиться как доказательство своих положений только человеком, пользовавшимся не иероглифическим текстом, а какой-то транскрипцией. Второй же, дйей-сйечен, также подтверждает незнакомство с первоисточником, т. к. слово дэй-сэчэн пишется (9) т. е. дэй-сэчен, где первый иероглиф никогда не был йотирован, а второй в эпоху написания памятника произносился сэ, чему подтверждением служат памятники квадратного письма и исследования А. А. Драгунова «Алфавит Пакба и древний мандаринский язык».

¹ У С. А. Козина всюду транскрипция латинская; в цитатах Б. И. Панкратов часто заменяет ее на транскрипцию, данную в кириллице, иногда чуть изменяет.

Описание звуков **н** и **нг**. «Последовательно и строго различаются; однако **н** служит также и для выражения **м** в конце слога. Напр[имер]: **тэндэк-тэмдэк; энбулэ-эмбулэ; дунда-думда...**»

Здесь С. А. совершенно не учитывается уже много лет известная китаистам истина, что северо-китайские диалекты приблизительно до XVII в. сохраняли в определенной группе закрытых слогов конечное **м**, позднее во всех т. н. мандаринских говорах перешедшее в **н**. //

- п. 39 Поэтому заявление С. А., что «**н** служит также и для выражения **м** в конце слога», не совсем точно и современно. Примеры, приводимые С. А., могут читаться только как: **тэмдэк** (10) (совр[еменное] чт[ение] **тянь**), **нэмбулэ** (но не **эмбулэ**, так как **нянь** (11) никогда не терял начальной согласной и монгольское слово восходит к дагурскому **нэмбурэй** — прикрывать, служить прикрытием, а отсюда и слово **нэмбулэ** — шалаш, хижина) и **дунда** (ибо **дунь** (12) принадлежит к той группе слогов, которые испокон веков имели окончанием **н**). //

п. 40

О реконструкции

Ман (13). Почему [иероглиф ман (13), когда он] встречается в заглавии книги 1) Монгол-ун н[игуча] т[обчиуан], [читается **монг**], но этот же иероглиф в [слове] 2) **Мангүт** (§ 46, цз. I, 28a₅) читается **манг**, [и] в [слове] 3) **мангирсун** «чеснок» (§ 74, [цз.] II, 6a₂) читается **манг**? Как же здесь [надо читать], **манг** или **монг**? //

п. 41

Транскрипция (13а)
§ 27 дважды **pa/qod** — утки
но в § 21 **po/qai** — собака //

п. 42

Словарь и транслитерация
§ 55
С. А. **хунар** (14) **мино** (15)
мой запах

п. 43

Почему один знак читается по-разному цз. I, 35b₅ //

Почему
§ 105 кит. э э де (16)
цз. III 6a₅
[цз.] III 6b₂

С. А. пишет **oede**. Почему? [Ведь это] остов юрты и значит это дверная рама **мынь куан** (17) //

п. 44

Транслитерация (17а)
почему § 96 **Vaŋqan** (18) (известный Унхан Марко Поло)
§ 132 С. А. **Vaŋqin** (19) (имя)
и в то же время
§ 124 С. А. **Oŋkur** (20) (имя)
§ 190 С. А. **Oŋqudun** (21)

п. 45

р[одительный] п[адеж] от **Oŋqud** (племя) //

По ознакомлении с такими странными взглядами С. А. на вопросы реконструкции текста приходится лишь удивляться: каким же образом текст, восстановленный С. А. на основе вышеприведенных его положений, остается за исключением некот[орых] мест все же вполне удобочитаемым? В

транскрипции, правда, встречается разнотой, весьма нежелательный для исследователя-лингвиста, разнотой, когда одному и тому же иероглифу приписывается два разных чтения. <...>

Правда, транскрипция совершенно умалчивает указания оригинала, что окончание прош[едшего] вр[емени] глаголов **-ба** в определенных случаях читалось **-бэ** и **бо**, а такими указаниями пестрят страницы оригинала. //

Правда, не учтены правила транскрипции Хо Юань-цзе, и потому в ^{п. 46} описании звуков (стр. 23) говорится:

х, ү, һ без различия передаются звуком х. Это неверно, и для каждого из этих транскрипционных знаков нашего алфавита есть соответствующий китайский иероглиф. И нельзя обвинять оригинальный текст в непоследовательности, кроме как в случаях явной описки переписчиков. //

При всем этом, текст С. А. читать можно, но только его нельзя ис- ^{п. 47} пользоваться для серьезной лингвистической работы: по нему нельзя выяснить фонетический состав языка ЮЧМШ, для такой работы надо или обращаться к оригиналу, или к немцу [Haenisch'y]. Внимательное рассмотрение описания (стр. 23), а также и самого реконструированного текста звуков языка памятника заставляет высказать еретическое предположение, совершенно, казалось бы, недопустимое, а именно, что С. А. в своей работе над восстановлением текста памятника как будто намеренно избегал пользоваться китайскими оригиналами (Е Дэ-хуй, рукопись Палладия, рукопись Ли Вэнь-тяня), а всю свою работу провел над каким-то текстом, уже протранскрибированным до него, // внося в этот текст незначительные ^{п. 48} изменения. Затем полное игнорирование китаеведения приводит С. А. к тому, что его описание звуков языка памятника стоит на уровне, весьма отдаленном от современного. //

Разнотой транскрипции поразит всякого мало-мальски просмотревше- ^{п. 49} го текст в реконструкции С. А. <...>. В то же время этот разнотой показывает, что при работе над текстом С. А. имел перед собой не китайский текст, а какой-то другой, написанный «слепой» (с точки зрения иероглифики) европейской транскрипцией. //

Частое упоминание во введении рукописи текста, восстановленного П. Ка- ^{п. 50} фаровым, заставляет предполагать, что в основу работы [лег] без каких-либо существенных изменений черновой труд П. Кафарова, без консультации с китайским транскрипционным текстом. Одно из доказательств правильности этого — частое упоминание во введении о «далекой от совершенства русской транскрипции П. Кафарова», о которой, в сущности, и не следовало бы много говорить, упомянув лишь во введении, как о работе, ценной в свое время, а теперь уже устарелой, наталкивает на мысль, что в основу издания текста С. А. была положена работа П. Кафарова с незначительными изменениями. В этом предположении еще больше утверждает изобретение С. А. для внесения паники в среде историков нового народа на территории Восточной Азии, а именно «Лихудского народа». В § 281 С. А. переводит: «Я окончательно покорил Лихудский народ (Гиньское царство)». В реконструированном С. А. тексте читаем: «Лихудун¹ иргэн мухутхаба би». Во втором тексте, называемом С. А. «текстом памятника, как он мыслится написанным письмом уйгурско-монгольской системы в принятой у нас

---

¹ У С. А. Козина: Лихуд.

транскрипции для современного монгольского письменного языка», данное место звучит так: «шихудун иргэн тур аяладжу, лихуд иргэн мухухдаба би». Всякому мало-мальски знакомому с историей Цзиньской династии или джурдженов упоминание о том, что последних называли «Лихудами», становится подозрительным, и он пытается найти подтверждение этого в первоисточнике. Что же говорит китайская транскрипция монгольского текста? (Цз. Сюй 11, 55а). Там мы читаем: «Джаудун иргэн тур аяладжу, джауд иргэн мухухдаба би», т. е. отправившись войной на цзиньский народ, я разорил цзиньский народ. Следует пояснить, что термин джа (22) n. 51 чрезвычайно интриговал японских и китайских историков, занимавшихся исследованием Ляоской // и Цзиньской династий, и Ван Го-эйем было написано уже специальное исследование, посвященное этому термину, в котором он сближает его с встречающимся несколько раз в ЮЧМШ другим термином, а именно джуин иргэн. Откуда же у С. А. появился народ Лихуд? Если мы обратимся к Палладиёвской транскрипции текста, то там в обоих случаях рукою Палладия было написано ДЖАХУД, но каким-то досужим читателем зачеркнуто и переправлено на ЛИХУД. Эта «поправка» правильного чтения Палладием первого слога на фантастическое и была перенесена С. А. в его реконструированный текст. Причем неправильно был перетранскрибирован не только первый слог, но и второй, т. к. С. А. пишет лихуд, точно так же, как и у Палладия, а в оригинальном тексте джа-у-д, т. е. отсутствует звук х. В тексте и переводе С. А. отсутствует половина фразы, которая, правда, появляется во втором тексте, но уже с новым, не известным никому народом Шихуд, происхождение которого пока для меня неясно. Пропуски в тексте С. А. не являются редкостью. При работе с китайской транскрипцией монгольского текста не могло произойти таких вопиющих ошибок.

Итак, если это транскрипция Палладия, то почему же об этом не сказано ясно, почему на титульном листе не указано, что текст издан по рукописи Палладия, тем более, что этим можно было почтить память нашего выдающегося сиолога, т. к. в 1942 г. исполняется 125 лет со дня его рождения. Если первое предположение ошибочно и текст является результатом самостоятельной работы над китайским транскрипционным текстом, то почему же не сказано, какой текст положен в основу, чем он отличается от двух других, бывших в распоряжении С. А., какие разночтения имеются в текстах. Для такой работы вовсе не требуется создания особой комиссии из специалистов, и подобная же работа была уже выполнена Хэнишем, издавшим текст Е Дэ-хуй'я и сверившим его с двумя манускриптами и печатным фрагментом минского времени. Почему текст, изданный в 1940 году у нас в Союзе, должен быть ниже достоинством, чем текст, n. 52 изданный в Германии в 1937 году? // В самом начале своего введения С. А. говорит: «Не следует особенно сетовать по поводу полустолетнего пребывания под спудом манускрипта П. Кафарова с полной русской транскрипцией монгольского текста Юаньчао биши, написанного китайским письмом».

Мне же кажется, следует сказать: нельзя найти подходящих слов, чтобы выразить сожаление, что Палладий своевременно не опубликовал свою транскрипцию, а также, что благое начинание ИРАО-ва по изданию текста в китайской транскрипции не осуществилось. Два поколения монголистов и китаистов сумели бы дать и точный перевод, и восстановленный

монгольский текст, так что теперь оставалось бы заниматься лишь деталями памятника. В настоящее же время транскрипция Кафарова представляет интерес лишь для истории науки, но ни в коем случае не для того, чтобы служить базисом при работе над восстановлением текста. Ее можно издавать как память о столпе нашей синологии прошлого века, но не как текст, соответствующий современным требованиям. Работа над восстановлением монгольского текста ЮЧМШ может и должна вестись только исходя из китайской транскрипции монгольского памятника, с учетом всех доступных нам списков последнего и с учетом исторической фонетики китайского яз[ыка]. //

С. А. не удовольствовался изданием восстановленного текста ЮЧМШ,^{п. 53} или, как он его называет, «текста памятника в научной транскрипции, выражающей китайскую его транскрипцию, которая закрепила один из монгольских диалектов XIII в. типа современного монгорского», но дал нам еще один текст, именуемый автором «Текст памятника, как он мыслится написанным письмом уйгурско-монгольской системы в принятой у нас транскрипции для современного письменного языка».

Совершенно непонятно, не только для меня, но, мне кажется, и для большинства монголистов, что это за текст и какие цели преследовались при его издании? //

Если первый должен был бы дать чтение, как оно звучало в устах мон-^{п. 54}гола XIII в., то, очевидно, второй должен нам представить как он был бы написан знаками уйгурского алфавита?

В таком случае, если бы уж представилась такая необходимость, почему бы не издать рукопись Цэндэ-гуна, как она есть, монгольским алфавитом и сделать памятник доступным для чтения в пределах МНР?

Транскрипция же латинскими буквами текста, написанного уйгурским алфавитом и никем еще невиданного, а только теоретически восстанавливаемого, может быть проделана лишь при строгом учете транскрипции, лежащей в основе монгольской письменности. //

Читать монгольский текст, написанный уйгурским письмом, можно^{п. 55} лишь при соблюдении закона гармонии гласных. Поэтому никогда нельзя прочесть в уйгурском письме **мэрган**, **гэргай**, как транскрибирует С. А., и в то же время нельзя транскрибировать **никэн**, если быть последовательным с точки зрения С. А., т. к. (23) читаются гань и кань, т. е. заднего ряда. //

Говорить долго о нужности и научной ценности этого текста едва ли^{п. 56} представляет большую необходимость.

Действительно, транскрибировать нашим научным алфавитом уйгурский текст, никогда не бывший перед глазами автора, по меньшей мере странно, а что он мыслит под уйгурским письмом — непонятно, т. к. в транскрипции не выдерживается основное правило уйгурской письменности — гармония гласных. //

Теперь я перейду к рассмотрению перевода текста памятника.

^{п. 57}

Согласно предисловию, из этого перевода «историки получат надежный материал для своих исследований», тогда как до сих пор «они должны были черпать свои данные из сокращенного и местами неточного перевода [П.] Кафарова». Т. е., другими словами, новый полный перевод является настолько точным, насколько его можно было сделать таким при наличии всех тех материалов, какими располагал автор перевода. Материалы же эти, по его словам, были следующие:

1) Тексты китайской транскрипции и подстрочного перевода Е Дэ-хуй'я, Палладия и Ли Вэнь-тяня и

2) Перевод Палладия, опубликованный в 1866 г. //

- л. 58 Что перевод может быть сделан точно и в то же время литературно, для этого мы имеем пример в блестяще выполненном переводе необычайно сложного для передачи на чужом языке текста, а именно в серии новелл Ляо-Чжай'я, данных нам Василием Михайловичем.

Перевод с монгольского не представляет такой трудности, как работа над китайским текстом, и, казалось бы, очень просто взять транскрибированный научным алфавитом текст ЮЧМШ, сесть и через некоторое время дать вполне грамотный со стороны стиля и точности перевод на русский язык. //

- л. 59 Но беда-то вот в чем. Текст этот написан на языке XIV века, и для того, чтобы правильно перевести его на русский язык, необходимо, кроме хорошего знакомства с жизнью и бытом современных монголов, иметь также и пособия для понимания языка того времени. Наши словари ни в коей мере не удовлетворяют этому требованию. Единственный правильный путь — это работа с оригинальным китайским текстом и подстрочным китайским переводом. Подстрочный кит[айский] перевод заменяет нам отсутствующий на русском языке словарь, точность же значений, даваемых в нем, гарантируется квалификацией лиц, выполнявших работу транскрипции для и[мперато]ра Хун-у, т. е. Хо Юань-цзе и Ма-ша ихэ. Кроме того, для уяснения смысла большую помощь оказывает также и связный кит[айский] перевод в конце каждого параграфа. //

- л. 60 Кроме указанного мною пути, другого нет и быть не может при настоящем уровне монголоведения. Поэтому я беру на себя смелость заявить, что если монголист думает, что он в состоянии дать научно правильный перевод ЮЧМШ, пользуясь только средствами монголоведения, и притом монголист, находящийся в полной зависимости от словарей Ковалевского и Голстунского, то он глубоко заблуждается, переоценивая свои знания и возможности.

Если за такую же работу возьмется китаист, то и он не в состоянии выполнить такого предприятия по тем же самым причинам.

Такая работа, как и вообще вся работа над ЮЧМШ, может быть только при тесном сотрудничестве монголистов с китаистами. //

- л. 61 С. А. уже не впервые выступает как автор художественных переводов произведений монгольской литературы. Благодаря ему наши широкие читательские круги могли познакомиться с Гесериадой и Джангариадой, теперь же он дал нам свой монументальный труд — перевод ЮЧМШ.

Сейчас я намерен привести несколько примеров из перевода С. А. и дать свое толкование тех мест, с которыми я не согласен.

В предисловии к ЮЧМШ очень хорошо сказано: «Если мы скажем, что такое-то слово С. А. Козиным не так понято, что такое-то место мы перевели бы иначе, это не было бы настоящей критикой труда в целом». //

- л. 62 Такое заявление совершенно правильно, и я вполне поддержал бы его, если бы речь шла об одноязычном тексте. Но ведь перед нами двуязычный текст, приготовленный специально для разъяснения темных мест в монгольском при помощи китайского языка, так что нельзя ссылаться на непонимание слова или двусмысленность выражения, когда это невозможно в 99 случаях из 100.

Поэтому на приводимых ниже примерах я хочу показать, что должно было бы получиться из перевода, если бы для этого были использованы С. А. все возможности, т. е. если бы он, «штудировав» все перечисленные тексты в китайской транскрипции, использовал их при своем переводе [см. Приложение I]. //

Словарь

п. 63

Теперь перехожу к последней части работы С. С. («Сокровенное Сказание». — М. Ч.), а именно к словарю.

[Во] введении С. А. говорит: «Особенный интерес в манускриптах П. Кафарова представляет т[ак] называемый подстрочный китайский перевод, вернее русский перевод китайских значений монгольских слов, проставленных в самом тексте китайской транскрипции. Правильнее назвать эти надписи подстрочным монгольско-китайским словарем XIII—XIV вв.

Словарь этот интересен в том отношении, что регистрирует очень много исчезнувших монгольских слов, а также нередко дает иные, теперь уже не усваивающиеся значения целому ряду бытующих в современном языке монгольских слов...

Переработка этого словаря потребует от синологов немалых усилий при ревизии наскоро проставленных П. Кафаровым китайских значе//ний п. 64 монгольских слов, тем более, что значения эти, как и сокращенный перевод-пересказ, даны на одном из китайских диалектов XIII—XIV вв.».

С. А. правильно оценивает значение подстрочного китайского перевода монгольских слов оригинала памятника. Как для перевода текста на русский язык необходимо ежеминутно пользоваться этим пособием (но только не в переводе Палладия, а в оригинале), так и для нужд монгольской лингвистики необходимо издание полного словаря ЮЧМШ.

Но непонятна только постановка вопроса относительно выполнения такого издания, когда С. А. весьма серьезно говорит о том, что необходима какая-то «переработка» // словаря П. Кафарова, которая «потребуется от п. 65 синологов немалых усилий».

Мне кажется, что при работе над оригинальным текстом рукописей ЮЧМШ и словарь должен составляться по оригиналу, а не по работе Палладия, проделанной наспех чуть не 100 лет назад и имеющей сейчас лишь историческое, но никак не научное значение. Никто из синологов не возьмется за переработку этого словаря, т. к. гораздо легче сделать всю работу заново, чем сверять перевод Палладия с текстом.

Но С. А., очевидно, держится другого мнения и решил издать Палладия с внесением собственных поправок. //

В предисловии к словарю он говорит: «Монгольские слова и выраже//ния п. 66 XIII в. даны, прежде всего, в транскрипции, выражающей подлинное китайско-монгольское письмо памятника, и в значениях, усвоенных монголо-китайским надписным словарем П. Кафарова с поправками и дополнениями по его же китайско-русскому словарю, а также по словарям Куврера, Джайлса и др. Во всех возможных случаях приведены слова и значения из современного монгольского языка и разговорных диалектов...»

Только не совсем понятно, зачем было это все делать, когда в 1939 году уже вышел в свет полный словарь к ЮЧМШ, сделанный Haenisch'ем? //

Но приходится считаться с фактом, что словарь С. А. напечатан.

п. 67

Какую же пользу он оказывает занимающемуся монгольским языком XIV в.?

Во-первых, словарь неполный. Много слов, данных Палладием в своем подстрочном переводе, выпущено по неизвестным причинам в издании С. А.

Во-вторых, исправления значений Палладия, как правило, — неверны.

В-третьих, сближения монгольских слов памятника с современными диалектами во многих случаях фантастичны и недопустимы для лингвистической работы.

Вот примеры: [см. Приложение II]

Конв. 13,
л. 1—2

Заключение

Несомненной заслугой С. А. является то, что он дал нам первый на европейском языке перевод текста ЮЧМШ, и, если бы он ограничился литературным переводом и литературоведческим исследованием, издав при этом текст за именем Палладия, никто ему ничего кроме большого спасибо не сказал бы.

Большой ошибкой С. А. явилось то, что он как для перевода, так и для издания текста хотел, как будто, использовать оригинальный китайский текст, но на самом деле его не использовал.

Поэтому я считаю, что работа ценна в своей литературной части, но в исторической и лингвистической не оправдывает надежд, на нее возлагавшихся.

Приложение I [Ошибки перевода текста]*

п. 1 Нет никакого смысла давать много примеров неточности перевода Сокровенного Сказания, ибо почти в каждом параграфе имеются как просто вольности обращения с терминами и текстом, так и грубейшие ошибки. Мне кажется, достаточно будет привести следующие абзацы:

§ 79

С. А. Козин: Тогда является во главе своей охранной (турхаут) стражи Таргутай-Кирилтух. Он сообразил теперь:

Видно овечки-то кургашки, облияли,

Слюни свои подобрали.

Текст: Тогда пришел со своей дружиной Тайчиудский Таргутай-Кирилтух, думая, что теперь:

Безобразные (подобно голым птенцам) оперились, слюнявые (как телята) — подросли.

(Это относится к Чингису и его братьям).

§ 81

С. А. Козин: Таргутай-Кирилтух привез Темучжина к себе в улус и там подверг его законному наказанию. На ночлег при этом он должен был скитаться из юрты в юрту.

---

* Машинописный текст.

Текст: Таргугай-Кирилтух, захватив (Тэмуджина), отправился (с ним в свои кочевья) и там приказал своему народу, чтобы каждый айл пускал Тэмуджина переночевать у себя на одну ночь.

§ 112 (к стр. 101 доклада Е. В. Бунакова)

С. А. Козин: Тогда Бельгугай возложил возвращение своей матери на ответственность именитых Меркитов, пригрозив костяною стрелою...

Текст: Бэлгугэй же пускал стрелы в каждого (завиденного им) мэрки-та, приговаривая: «Отдай мою мать!».

§ 156 (к стр. 102, примечание 4-е)

С. А. Козин: Это был молодой человек с волосами, заплетенными в косу, как у благородных людей.

Текст: Отдельно от всех стоял красивый, стройный юноша.

§ 207 (к стр. 112, примечание 1-е)

С. А. Козин: Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться!

Текст: Пусть лесные племена не действуют самовольно, а согласуют свои поступки с Хорчи. Относительно тех, кто будет поступать без согласования (своих действий) с Хорчи, задумываться нечего (они подлежат наказанию). //

Перевод*

Коп. 10,
<...> л. 1а

§ 9. Прослышав о знаменитых Бурхан-халдунских звероловлях и прекрасных землях, он теперь и подвигался, оказывается, кочевьями своими к Шинчи-баян-урянхаю, на котором были поставлены божества, владетели Бурхан-халдуна. //

л. 2

Надо :

Считая, что Бур[х]анхалдунские звероловные уголья очень хороши для охоты, Хорилартай-Мэргэн прикочевал к Бурханхалдунским князьям, урянхайцам Бурхан босхохсан'у и Шинчи-Баину. //

л. 3

Мелочи перевода

§ 15. Я — Маалих, Баяудаец («богатея»), а живу, как нищий.

Оригинал: Я из Маалих Баяудай (из рода? Маалих Баяудай, все равно как теперь скажут: «Я баргут, я чахар, я хорчин») по бедности брожу.

§ 18. Сын этого бедняка оказывается также Маалих, Баяудаец вместо того, чтобы быть из рода Маалих Баяудай. //

л. 4

До сих пор никем еще не указано, что в монгольском языке смешиваемые в настоящее время названия страшилищ Мангүт и Мангус очевидно разного происхождения:

1) **мангүт** происходит от имени древнего народа (см. Цзин[ь]ские известия), а

2) **мангус** от китайского **ман** (24) — змея, удав. //

л. 5

Перевод

§ 21. Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), входит, бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес. //

* Далее — текст, записанный карандашом на карточках.

Надо

л. 7 § 21. Каждую ночь, по свету, проникавшему через щель дымового от-
л. 8 верстия юрты, входил сияющий желтый человек, он гладил мой живот,
сияние проникало в мой живот. Когда он уходил, то подобно желтой со-
баке взбирался по солнечным и лунным лучам и уходил. //

Перевести заново § 21, 27, можно и 74 и 75, 81 начало непременно,
цацаблалу. //

л. 9 Перевод

л. 10 § 25 Боройчин харчаһай не сизая самка сокола, а просто самка соко-
ла, т. к. боройчин значит самка для птиц. //

Перевод социальных терминов.

§ 35. нет у них ни мужиков, ни господ; ни головы, ни копыта. //

Социальные термины:

л. 11 Надо: § 35. жэкэ үчүкэн ма^йу сайн, тэри^гу ши^гири угэй.

Нет ни больших, ни малых, ни простых, ни знатных, ни головы, ни
копыт. //

Перевод

л. 12 § 39. Тогда братья впятером полонили тех людей, и стали те у них
слугами-холопами, при табуне и кухне.

Надо:

л. 13 Пятеро братьев, полонивши тот народ, стали обладателями скота и
людей. //

Перевод:

§ 41. Родилось у него и сынов что-то около этого.

Надо: у него родилось много сыновей (много по-китайски фаньдо (25)) //

Перевод С. А.

§ 64 Цз. I, 44b₁

л. 14 Унгиратское племя, с давних времен мы славимся, не имея в том со-
перников, красотой наших внучек и пригожестью дочерей. Мы к вашему
л. 15 царственному роду своих прекраснolanитных девиц, поместивши в арбу
(казачью телегу), // запряженную черно-бурым верблюдом и пуская его
л. 16 рысью, доставляем к вам, на ханское ложе. С племенами-народами не спорим.
Прекраснолицых дев своих вырастив, в крытый возок поместив и увозя
на запряженном сизом верблюде, пристраиваем на высокое ложе (дражайшей)
половиною // пристраиваем. С давних времен у нас, Унгиратского
племени, жены славны щитом, а девы — кротостью. //

Мой перевод

л. 17 § 64. Мы, Унгиратцы, искони (издревля) имеем прелесть наших пле-
мянниц (дочери сестер), красоту наших дочерей. Не спорим (с соседями)
о владениях, а наших румяных девиц, посадив в большие телеги, запря-
женные черными верблюдами, рысцой отправляем (тем, кто становится
вашиими ханами) вашим ханам и сажаем их (рядом с ханом) ханшами на
престол. Мы не спорим о владении народом и землями. Мы, вырастив кра-
сивых дочерей, помещаем их в телеги, запряженные сивыми верблюдами,
и, отправившись в путь, сажаем их рядом (с ханом) на высокий трон. //

л. 18 Все мы издревля Унгиратцы — у которых щитами — ханши (м[ожет]
б[ыть], женщины), а ходатайствами (защитою) дочери (м[ожет] б[ыть], де-
вицы), живем мы прелестью племянниц, красотой дочерей. //

Следует обратить внимание на термин, вводимый С. А., а именно «ка-
зачья телега», что это такое? Если это наши казаки, то слишком рано.

Если это киргиз-казаки, то для историков Средней Азии это открытие (если я ошибаюсь, то меня поправят), ибо термин // «казак» появляется^{н. 19} гораздо позже. С. А., очевидно, неизвестно живое монгольское слово — «хасэк тэрэг», означающее большую телегу, в которую впрягают несколько животных. Но если бы он взглянул на подстрочный // китайский пере-^{н. 20}вод, то и там бы увидел точное значение этого слова. [Оно] переведено да чэ (26) — тот же самый термин, который употребляется и сейчас в Восточной Монголии, если хотят перевести по-китайски слова хасэк тэрэг¹. //

Перевод

§ 74, цз. II, 5a₂

н. 21

Оэлун-фужэнь мудрой женой родилась. Воспитывая своих малых детей, крепко прилаживала рабочую вдовью шапочку... Здесь для историка культуры Центральной Азии на основании перевода С. А. можно // писать^{н. 22} целую диссертацию о том, что монголки имели специальные вдовьи головные уборы, делившиеся на рабочие и парадные. На самом же деле в тексте сказано: // «укитала бохталау» — нахлобучивала бохтог, т. е. шап-^{н. 23}ку. Бохтог — название женского головного убора во времена Юаньской династии. Это тот самый [головной убор], который китайцами назывался гу-гу мао-цза и который // Рубруквис называет покка. Здесь нет ни рабо-^{н. 24}чей, ни вдовьей, а только шапка, и это ясно из китайского перевода². //

Дальше в этом же параграфе, цз. II, ба₁,

н. 25

§74 брала с собой лыковое лукошко, копала коренья судуна и кичигинэ и кормила.

На самом деле: взяв можжевельновый колышек, копала коренья судун и чичигинэ и кормила. //

Чигэрсун по-монгольски никогда не было лыко (и в Монголии лыка^{н. 26} никогда не драли), а это просто название можжевельника.

Широ никогда не было лукошком, а всегда только колышком. //

Кичигинэ никогда и никем в пищу не употреблялся. Это (Echinops)^{н. 27} мордовник. На самом же деле в тексте **чичигинэ** — растение, корни которого до сих пор весной употребляются в пищу. //

Если бы С. А. посмотрел в китайский перевод, то опять бы такой^{н. 28} ошибки не произошло. //

Перевод

н. 29

§ 78, цз. II, 12b₂

Древние речи распускала,

Старые слова развивала.

(проза — Вскрывала она, разъясняла (распарывала) старые слова, распространяла древние слова).

Надо: Древние слова тщательно выискивала,

Старых людей (предков) слова приводила в пример. //

Как не надо переводить:

н. 30

§ 79, цз. II, 13b₁ Овечки-то должно быть обליняли,

Слюни свои с возрастом подобрали

¹ Подробное описание этого вида повозок см. [2, с. 110]. Л. Л. Викторова переводит хасак тэрэг, как «одноколка», казахская телега.

² Описание этого головного убора см. [2, с. 39].

- С. А. говорит «не совсем ясная фраза». Имеется рифма, но нет смысла. На самом деле здесь Тайчиутский Кирилтух, задумав сделать налет на семью Чингиса и захватить его самого, говорит своим товарищам:
- безобразные оперились,
слонявые подросли,
т. е. сравнивает детей Чингиса и братьев с безобразными птенцами и слонявыми телятами. Здесь ни одно слово не переведено правильно, т. к. не учтено значение монгольских слов, данное в китайском переводе. //
- л. 31 Аккуратность издания текста и использование основных текстов
§ 105. Текст:
Чингис просит передать Джамухе—гурбан мэркит-тэ ирэцү
оро-бэн хох торһү болһайдааби
т. е.: Мое ложе опустошено
тремя меркитами
С. А. в тексте совсем пропустил первую строку, а потому и в переводе у него:
Ложе мое — воздух пустой
Палладий слово **оробан** переводит: место (супруги). Проверить, как у Палладия? У Палладия это место есть. //
- л. 32 Предлагаю вашему вниманию перевод небольшого отрывка:
Джамуха собирается помочь Чингису в походе на 3-х Меркитов и говорит следующее: //
- л. 33 Перевод:
§ 105 (1) Теперь, когда у нас похлопывают чепраки... когда гремят у нас барабаны, задира и трус Тогтога находится, должно быть, в степи Буура.
Надо:
Теперь, когда (мы) хлопаем по чапракам, производя (этим) шум (как от) барабанов, пугливый (трусливый) Тохтога, чай уж, в степи Буура. //
- л. 34 Перевод
§ 105 (2) Теперь, когда у нас волнуются длиннотетивные луки, вояка Даир Усун находится должно быть на острове Талхун-арал у слияния Орхона и Селенги.
Надо:
Когда встряхиваем (наши) прикрытые крышками колчаны, трус Даир Усун теперь, чай уж, на острове Талхун-арал у слияния Селенги с Орхоном. //
- л. 35 Перевод
§ 105 (3) Теперь, когда по ветру развеивается желтый полынь [(перека-ти-поле)], поскорее спешающий в лес, Хаатай Дармала находится, должно быть, в степи Хараджи.
Надо:
Удирающий со всех ног в лес, когда ветром несется (на него) перека-ти-поле, Хаатай Дармала теперь, чай уж, в степи Хараджи. //
- л. 36 Перевод:
§ 105 (4) Edoe bida dotelen kilxo muren-ni kiңγus, saxal-boyan esen atuyai, sal Хууају огоуа.
Переведено: теперь, когда напрямик мы пойдем поперек реки Хилхо — пусть в это время будут богаты и благополучны их бороды! — Мы, связав плоты, перейдем.

Вариант: Пусть только камыш будет высок — Свяжем плоты, перейдем мы Хилок.

Надо: Теперь мы прямо через (поперек) Хилок, лишь бы был цел (там) камыш, свяжем плоты и перейдем. //

Перевод § 105 (6) Tere kökidek Toxtoa yin eguxe deere-inu ogoju, erkin^{л. 37} eede-inu amburu daariju¹. У того беспечного Тохтогая, обрушившись на него прямо через дымовое отверстие, на самое почетное у него налетим и впрах сокрушим.

Надо: Нападем, как снег на голову, неожиданно (внезапно) на труса Тохтога (букв. проникнув через дымовое отверстие юрты), разгромим впрах остов юрты... //

Перевод § 105

л. 38

Женщин и детей в полон всех заберем; самое святое у него ногами потопчем, весь народ до конца истребим.

Надо:

Жен и сыновей его истребим поголовно, расколем дверную раму (порог) его, принадлежащую гению счастья (являющуюся обителью гения счастья), весь народ его истребим до единого. //

Перевод § 106 (1)

л. 39

Приладил я свои дикого персика стрелы.

Надо:

Уже наготове мои стрелы, обвитые корой персикового дерева (дословно: наложены на тетиву) (стрелы никогда не делались из персикового дерева, кроме как разве исключение). //

Перевод

л. 40

§ 106 (2) ...приладил я свои стрелы с зарубинами.

Надо:

Наготове мои стрелы с ушками (дословно: мои стрелы с ушками наложены на тетиву). //

Перевод

л. 41

§ 115, цз. 3, 24b₁

...у Меркитов ...Клином сшибли замки у юрт, красавиц для себя забрали знаменитых (иначе: снесли их в крутоверхие юрты). //

Надо:

л. 42

Меркитские юрты повергли. Женщин забрали в полон.

Опять китайский перевод дает точный, определенный смысл, не требующий вариантов перевода. //

Перевод:

л. 43

§ 139 «с полными гнева легкими»

в стихах: «сердце их ярость съедает».

На самом деле:

а^и ушки дуурэн цурукэту, т. е. «храбрые», «с легкими, полными сердца». Мелкое замечание. //

Перевод

л. 44

§ 170 (1) Окружить кого — это им как раз подобает; подстилку стлать — помощь им подобает.

Надо:

---

¹ Транскрипции С. А. Козина из § 105 (4) и (6) процитированы не совсем точно.

В каждом их повороте — строй,
В каждом их маневре — порядок.
Кит. текст цз. VI, 3а₅ //

л. 45

Перевод

§ 170 (2) Люди — с малых лет привычные к мечу да копыю. Знамена у них — черно-пестрые. Этих, пожалуй, не взять врасплох: осторожны.

Надо:

Люди, сызмальства привыкшие к мечу и копыю, имеющие черные и пестрые бунчуки, народ, которого следует остерегаться. //

л. 46

Перевод для историков

§ 184. А Ван-хан в ту пору, оказывается, беспечно пировал, воздвигнув себе золотой терем. Мо. алтан тэрмэ (цзинь сачжан (27)) шатер.

§ 265 Цз. 14, Сюй II, 4b₃. тэрмэ гэрту... есть [и] решетчатые юрты.

Что же тэрмэ, решетка или терем? встречается еще [в §] 265 [там же], 5b₄, [§] 266 [там же], 7b₁ и везде у С. А. решетчатые юрты.

Но он не учел одного: что тэрмэ по-монгольски название шерстяной ткани, из которой делают тибетцы свои палатки. Кто были тангуты? — тибетцы. Давно ли юрта в Монголии? Кто знает. Когда появились решетки у юрт? А тибетцы живут в палатках уже испокон веков. //

л. 47

Но в тексте-то сказано:

алтан сумэс,

что по-новомонгольски действительно золотые кумирни, но по-старомонгольски золотые бурханы, ибо в старомонгольском сумэ — бурхан. //

л. 48

Перевод

§ 191, цз. VII, 19a₂

В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья нойонов, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния (уту дурайн). //

л. 49

Здесь перевод не вызывает сомнений, ибо он не отличается от перевода П. Кафарова, но что здесь замечательно, так это изобретение для монголов нового термина «уту дурийн гуун» люди длинной воли. //

л. 50

В старомонгольском языке действительно есть выражение «дураин хүн» вольный человек, вольные люди.

л. 51

Откуда же появился такой термин, как «люди длинной воли»? А вот откуда. В тексте перед «дураин хүн» стоит // слово уту (28), значащее «только, только такой» и переведенное по-китайски чжи на бань (29). С. А. же,

л. 52

не видя китайского текста, а читая только транскрипцию, решил, что это // старое слово уту ошибочно написано вместо всем известного ұрту длинный. Отсюда и новый термин, которым обогатился старомонгольский язык. //

л. 53

Транслитерация, а отсюда и перевод. Здесь вводится в заблуждение и историк, и лингвист. Козин в § 191, цз. VII, 19a₂ дает «уту (utu. — М. Ч.) duruin kiun», восстанавливает «urtu duru...» — на самом деле это в тексте у-ту (30) и переведено чжи на бань (31) «только такие», встречается только один раз и потому «люди длинной воли» — измышление, т. к. в других местах, [в] § 224 будет только durijin гу-ун т. е. вольные люди, § 224 цз. IX, 32a₄+32b₅+33b₄. //

л. 54

Перевод цз. 7, 28a₁

§ 194 Даян-хан (баба Таян. — М. Ч.), который не выходил из дому даже на расстояние... бега кружного теленка.

Надо:

На расстояние, которое отведено теленку, привязанному к колесу телеги, чтобы пастись. //

Перевод

л. 55

Мелочи. приирки

§ 194, самый конец. С. А. переводит «сайдак», а надо «колчан».

§ 194, цз. 7, 27a₂ «двигаясь належке». Надо: «отступая».

§ 194, цз. 7, 27a₃

(у С. А. Козина) «двигаясь слева направо», а надо: «привести в порядок».

§ 194, [цз.] 7, 27a₄

Совершенно пропущена в переводе фраза: но-хой кэ-рэл, кэ-рэ-чжу јабучжу; т. е. уставшие, как собаки от гонки (наши лошади). //

л. 56

Перевод

§ 195. Будем биться, хотя бы пришлось пролезать по тропам через заросли дикой акации — харагана; хотя бы пришлось строиться среди озера; хотя бы пришлось наносить удары долотом.

Надо:

Пойдем сомкнутыми рядами (походным порядком, подобно зарослям трав, пойдем). Встанем развернутым строем (строем, как море, выстроимся). Ударим сокрушительным ударом (битву «долотá» будем биться).

Здесь надо не забывать о военном искусстве джурдженей, учениками которых были монголы, и джурджене-китайской военной терминологии. //

Перевод

§ 201, цз. 8, 18b.

л. 57

Арбин эмэгэту булээ би

С. А. переводит: болтлива больно старуха у меня...

Надо:

У меня было много жен.

Откуда это?

Для ответа см. перевод Палладия (новое издание), стр. 54, строка 5 снизу: жена моя болтушня, товарищи люди неверные. Но это место, переведенное Палладием, относится к следующему абзацу перевода С. А. //

Перевод

л. 58

§ 201

А я... остался круглым сиротой с одной лишь женой, которая у меня **сказительница старины**.

Надо: Я же малым остался без отца и без матери, нет у меня и младших братьев. Жена моя болтушка, друзья мои неверные.

На основании неверно переведенного слова С. А. строит теорию (стр. 44) о том, что Чжамуха и его жена были **сказителями** былей, т. е. поклонниками феодальной старины.

Мо. домоу [былина, легенда]

угенэ домог бол'цї — сделался предметом пересуд[ов], сплетен. //

Перевод

§ 203

л. 59

Пусть записывают в Синюю Роспись «Куку Дэбтэр бичик»¹, связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части (или «по районирова-

¹ У С. А. Козина: «Коко Дефтер-Бичик».

нию») всеязычных подданных (или «всесловное и всеязычное население»)¹, а равным образом и судебные решения. Что же сказано на самом деле в тексте? Там нет ни разверстывания на части (или «районирования»), нет и всесловного и всеязычного населения.

Чингис говорит Шиги Хутугу как Верховному судье: «Пусть записывают в Синюю Книгу участь, выпавшую на долю (подсудимых) — решения судебных дел всего населения». //

л. 60 Перевод

§ 252, цз. Сюй I, 17a₂

...а Шиги Хутугу милостивейше соизволил сказать: «Ты держишь в мыслях твоих Великую Ясу...».

Но в тексте: «Ты мыслишь весьма справедливо» или «Ты думаешь о справедливости». уеке уосу сеткijū-йи. Здесь С. А. вводит в заблуждение о Великой Ясе. //

л. 61 Перевод

§ 272, цз. Сюй II, 21a₂

в переводе пропущено:

Огодай хан остановился в Шара Дэк (т. е. Лун-ху-тай, недалеко от Пекина). //

л. 62 § 272, цз. Сюй II, 20b₂

Огодай хан сразу же разгромил Китадскую рать и, ломая ее как сухие сучья, перешел через Чабчияльский перевал...

Нало:

Тогда, напав на китайские войска, порубили их горами и, пройдя через Цзюй-юнь-гуань... //

л. 63 Перевод

§ 272, цз. Сюй II, 24b₅

И проговорив эти слова, он вышел вон. Дело же обстояло так, что в действительности (кончины Толюя) не последовало.

Нало:

сказал [и] вышел, вот истинные обстоятельства смерти. //

л. 64 Перевод

§ 277, начало.

Кэудэчэ Мангай оядадча алчидай... дурадхан фичиу, т. е. от лица царевичей Мангай, а от лица сановников Алчидай... и др[угие] доложили.

Козин переводит: Тогда приступили к нему с докладом царевич Мангай, [нойон Алчидай-Хонхортай-цзанги и другие нойоны] и т. д. //

л. 65 Я сомневаюсь в возможности лингвистического исследования языка ЮЧМШ при помощи изданного текста и перевода.

Если транскрипция сомнительна, а перевод во многих случаях весьма далек от истины, то при множестве старомонгольских слов, совершенно неизвестных монголистам, довольно трудно производить лингвистические изыскания без того, чтобы не впасть в ошибки и в вопросах фонетики, и семасиологии, и этимологии, и даже морфологии. //

л. 66 Доказательств этому можно привести какое угодно количество.

Примеры: § 195, конец (Отчигин)... Из-за непогоды не опоздает, из-за стоянки отстанет!

---

¹ В переводе С. А. Козина нет текстов в круглых скобках; после слова «подданных» стоит транскрипция «гур-ирген».

Надо: Он от компании (т. е. в походе от толпы, множества) не отстает, от строя (войск) не остается позади...

Здесь кроме того, что фраза неверно переведена, т. к. упущено второе отрицание, но еще слово ба-ру-а-на-ча понято С. А. как «дождь», «непогода», тогда как оно значит «много», «толпа» = (равно) бурятскому баран. Что будет делать с этим словом лингвист? //

§ 194, конец (ориг. текст цз. 7, 29b)

л. 67

чи-ма (32) С. А. переводит как «у тебя», а на самом деле это междометие сожаления. //

Перевод для историков

л. 68

§ 266, цз. Сюй II, 8b. пропуск [фразы в переводе].

Ведь Харакиданьские Чжуинцы были излюбленными и доверенными людьми у Китадского Алтан-хана. Ну, а у меня излюбленными и доверенными людьми состоите вы, Боорчу с Мухалием!

Надо:

Близкими и доверенными людьми китайского Алтан хана были... //

Дополнительные замечания и ошибки перевода (текст)

Конв. 11

[§] 274 daus ~mo. toγos~ греч. ταῶς павлин,
но здесь нет павлина, а есть народ верблюдов:

л. 1

даусикичидут? а м[ожет] б[ыть] нет? //

проверить все поправки слов Кафарова

л. 2

агса — можжевательник

билдүр — жаворонок, кит. — птица, кричащая в небе

gölme — хижим, кичим¹. //

л. 3

Перевод

§ 81 цз. II, 17b₃₊₄₊₅

? Как человек с колодкой на шее может лечь в воду? Колодку он пустил по течению, а потом в § 85 эту колодку сжигают? //

Надо перевести весь § 253, чтобы показать, как переводить для нужд историков. Просмотреть и перевести выборочно § 254. //

л. 5

<...> //

Пользоваться только Палладием

л. 6

§ 258 первая строка китайского текста печатного издания ба-ру-ла кэ-эрэчэ.

Козин читает ба-ру-ан. Откуда это? //

<...>

л. 7, 8

Стиль китайского перевода ЮЧМШ.

л. 9

Слог перевода не одинаков. Некоторые места переведены простым языком, некоторые легким литературным. Пример последнего см. § 272. //

Напраслина на Палладия

л. 10

С. 12. Предисловие, перечисление слов, [за перевод которых С. А. критикует словарь Палладия]:

Палладий Шидкул — при представлении свекрови (теще) [пропущено слово подарок]² <...>

хорижаан (стр. 55) [Палладий переводит:] «и конец (?)»³

¹ См. [5, с. 12; ср. §§ 116, 160, 105].

² С. А. Козин критиковал Палладия за перевод «подарок», но в своем переводе и в «Словарях» вернулся к значению «подношение» и «подарок при церемонии представления свекрови — теще» [ср. 5, § 96 и с. 12, 603].

³ Ср. [5, § 111 и с. 596].

С. А. говорит: надо бы «подворье», [но в] к[итайском] т[ексте стоит] (33) вместо должного вань-ла (34) — кончить.

Конв. 12

Приложение II Ошибки перевода (словарь) лл. 1а—29 (30 карт)

лл. 1—29 (30 карт) + 1 л. списка использованных для составления рецензии §§ (список неполный, но иногда дает дополнит. §§ по ср. с примерами на карточках). //

л. 1 Словарь. Для каждого, внимательно просмотревшего словарь, [и] для меня, собственно говоря, не совсем ясно, какая цель преследовалась приложением этого словаря в конце работы. Если как память о Паллади Кафарове, как об одном из величайших русских китаистов прошлого века (кстати сказать, на будущий год исполняется 125 лет со дня его рождения в 1817 г., юбилей, который, надеюсь, не пройдет незаметно в стенах Института Востоковедения), то следовало бы его издать и сказать, что вот, дескать, что было сделано много лет тому назад, сделано наспех, не предназначалось к печати, но мы это, не изменяя ни одного слова, издали как память.

Но С. А. принял это за серьезный труд и в своем предисловии к словарю говорит¹: //

л. 1а Совсем непонятны исправления С. А., которые он вносит в подстрочный перевод Палладия и иллюстрирует это как его собственное достижение на стр. 12. //

л. 2 Судя по этим словам, С. А. проделал адский труд, но совершенно бесполезный. Вместо того, чтобы дать словарь по китайскому тексту с переводом последнего, он дал нам, и притом выборочно, те значения слов, которые Палладий наспех записал в своей рукописи. В чем заключаются поправки и дополнения перечисленных выше словарей, мне совершенно неясно. //

л. 3 А между тем, текст С. А. если и уступает в точности тексту Haenisch'a, то все же является вполне понятным для монголиста и дает в большинстве случаев чтение китайских иероглифов минского времени.

Чем же объяснить такое несоответствие между теоретическими положениями С. А. и его практическим выполнением работы? //

л. 4 Словарь

§ 8 Ariq usun-na toresken

cf. мо. ariγ usuna törügsen

рожденный от непорочной девы, но в тексте сказано:

арих усун-у (С. А. прочел на вместо ну)

хорилартай мэргэн-у баргуцин гова-ча туругсэн

С. А. в переводе правильно дает Арих усун как местность, но тогда зачем же давать ложный перевод в словаре? Кроме всего, такого монгольского выражения не может быть, т. к. ариγ усун, т. е. чистая вода, никакого отношения к непорочности и девственности не имеет. Он неправиль-

¹ Б. И. Панкратов пишет: «Здесь прочесть из ЮЧМШ Козина предисл[овие] к словарю», но цитаты не приводит.

но прочел у Ковалевского ариḿ јосон-а туругсен, т. е. родившийся чистым, непорочным образом (от девы). //

§ 12 abit желудок (зверя) л. 5

С. А. хотя в восстановленном тексте дает это слово, но в переводе оно отсутствует. На самом деле abit значит внутренности животного, а хабигу не ребра просто, а бок (животного). //

§ 13 jildu agasun задняя часть туши с кожей, в переводе — легочная часть животного и шкура. Где же правильно? //

§ 19 Хонšilemel хонin впрок солено-вяленое мясо барана... Ягненок последнего зимнего месяца (Haenisch). С. А. в тексте переводит дожелта провяленный впрок баран. л. 7

Но зачем же приводить Haenisch'a, который не понимает, что по-китайски иероглиф ла (35) значит и последний зимний месяц, и копченый? Это незнание китайского языка. //

§ 19 musu-sumu древко стрелы, мо. müsü хворостинка, sumu стрела. л. 8

Но в монгольском языке до сих пор живо еще различие между musu древко стрелы и sumu вся стрела с наконечником.

Для кого же этот словарь? //

§ 28 duigen gegu-dača За хребтом позади; из-за темного бора северного склона горы. л. 9

Но здесь нет «бора», а есть duigen — название горы, gegü — северная сторона горы. //

§ 46 aburin eme самим (насилено) взятая жена; л. 10

Мо. первая жена.

В тексте алин (36) соответствует awālu, а абурин в монгольском, как мне кажется, нет.

Здесь С. А. произвольно изменяет текст оригинала в своей реконструкции и палладиевском словаре. //

§ 74 auqasu корень какого-то полезного в хозяйстве растения. л. 11

Но ни в оригинальном тексте, ни в восстановленном С. А. тексте нет такого слова, а имеется цаḿḿасу китайское шань дань гэнь (37), т. е. корни лилии. //

§ 74 šigo-šigi тара, вьюк, посудина и т. п. На самом деле в тексте это широко колышек, а шири, к[ото]рое приводит С. А., значит шкура, в которую зашивают вьюки в дорогу, и только. //

§ 76 soqosun блестящая рыбка. В оригинале китайский перевод дает «название рыбы» и все. //

§ 77 sumbaqu крепко натягивать; мо. sumbaуа сила, крепость. л. 14

Но [С. А.] в тексте дает самбау, и это слово значит просто натягивать — чоу (38). //

§ 77 tereku стрелять мо. miḗуаху подстергать. Но в тексте такого слова нет. л. 15

Как в оригинале, так и у С. А. есть отермелеву стрелять, подойдя к цели. С. А. в упор. //

§ 98 Tuburiun свист стрел; мо. toboray пыль; түbüрген топот. Текст да-ет: грохот, шум при землетрясении. // л. 16

§ 116 агса ель л. 17

С. А. «надо: туя, кипарис *Cypressus funebris*».

Но если С. А. исправляет, то следует исправлять как следует. Надо (39) можжевельник и, если уж надо латынь, так *Juniperus communis* или *Juniperus daurica*. //

- л. 18 § 133. qanaŋa случай; мо. xanaŋa кровопускание. Китайский перевод — цзихуй (40) удобный случай. С. А., не видя китайского перевода, думает, что это кровопускание и переводит **кровопролитие**. //
- л. 19 § 140 saagi крестец, кожа с крупа (лошади, мула, осла) Мо. saagi кожа, сафьян.
Надо:
buttocks = ягодицы, зад,
отсюда и перевод: взобрался на кожаную повязку на его крупе...; а следует: встал, влез ему на заднюю часть. //
- л. 20 § 141 ŋana остров, нанос; мо. лесистая вершина горы.
Китайский текст чжоу (41), т. е. остров, песчаные наносы.
Кто же должен быть больше прав? С. А. или монгол, писавший это? //
- л. 21 § 145 nidun хага китайского значения не дано; мо. nidun хага зрачок; nidun хагау взгляд, миг.
Но если бы С. А. потрудились взглянуть в оригинальный текст, то там бы нашел и китайское значение янь хэй (42). //
- л. 22 § 145 sujiasu шейная жила (?), мо. — kujūqūn-ū uyas стиб шеи (в переводе — шейная артерия).
§ 173 sujiasu шейный позвонок ([в] переводе — шейный позвонок)
§ 214 sujiasu шейная артерия ([в переводе —] шейная артерия).
Но что же это в конце концов за слово? Китаец (т. е. китайский текст. — М. Ч.) дает сян цзин мо (43) = sagotid artery
IV, 38b₁; VI, 13b₄; IX, 16a₅ //
- л. 23 § 160 bilduur птица, кричащая в небесах. Надо бы пташка, возносящая к небу ропот. Но ведь это не исправление Кафарова!
На самом деле здесь по-китайски сказано гао-тянь-няор (44), т. е. простонародному жаворонок. //
- л. 24 § 170 tumu глава, первый.
Монгорское tumbu или to'mbu первенец у животного. Мо. tomi шеф, глава...
Мо. tomila командировать по выбору, калмыцкое tumu вздевать на кол шаманскую жертву. Здесь приведено очень много параллелей из различных монгольских наречий, но нельзя сравнивать несравнимое.
tumu или вернее tum^u — это китайское тоу-му, глава, старшина.
Монгорское tumbu — это тибетское danpo-dombo-tombo первый по порядку — монгольское tegigūn и т. д. //
- л. 25 § 170 den-dem помощь, подкрепление (Палладий стр. 114, порядок).
Надо: согласно китайскому, порядок. //
- л. 26 § 170 toī китайского значения не дано; клм. tö пядень; мо. töyire приходить в смятение. (На самом деле у Палладия, стр. 114, дано это слово со значением строй).
Китайский перевод дает строй, порядок войск. //
- л. 27 § 276 doluskuки внимать; мо. tölöjiku возрастать, воспитываться.
§ 281 doleskeки значение не дано; мо. darasun хмельной напиток, вино (некуренное). Что же это на самом деле? А на самом деле это одно и то же слово и значит «поддаваться наущениям, подстрекательствам». Такой ошибки не могло бы произойти, если бы был привлечен к консультации параллельный китайский перевод. //
- л. 28 Мне кажется, что этих примеров вполне достаточно, чтобы показать бесцельность словаря в таком виде, как он издан.

Не проще ли было переиздать Палладия как он есть, а современнее, все-таки, было бы дать полный // словарь к ЮЧМШ, лучший чем дал л. 29 Haenisch. На этом я и кончаю свои замечания.

Приложение III Извлечения из «Защитных тезисов» С. А. Козина

I. Замечания общего характера

1) Транскрипция автора (т. е. моя) не считается с фонетикой китайского языка XIII столетия.

Выводы: А рецензент даже не учитывает выдвигаемого автором нового положения о том, что китайские знаки монгольского текста не есть транскрипция, а монгольское национальное письмо при помощи китайских знаков, которым придано осо[бое] Гос[ударственное] монгольское чтение, чтение условное, а тем самым весьма мало связанное с китайской фонетикой. Это обстоятельство было отмечено уже П. Кафаровым и А. М. Позднеевым, хотя они еще и называли это письмо транскрипцией. Я предполагаю вслед за этими учеными сделать шаг вперед, а рецензент шаг назад, так как ни эти ученые, как и никто после них, не пытались связывать этого письма с вопросами фонетики, принимая положение об условности чтения китайских знаков в этом памятнике.

2) Во введении к изучению памятника не содержится никаких записок по истории текста.

Ответ: Для этого и служат текстологические комментарии ко второму тому.

3) Для чего на стр. 10 и 12 первого тома упомянуто издание Ли Вэнь-тянья 1903 г., как работа, необходимая для установления монгольского текста Сокровенного сказания, тогда как Ли Вэнь-тянь никогда не издавал монгольского текста, а издал только китайский перевод Сокровенного сказания? Никоткуда не видно, чтобы автор (т. е. я) пользовался этим трудом, хотя на стр. 12 и говорит, что привлекал его.

Ответ: Ли Вэнь-тянь является издателем не простого перевода, но перевода комментированного, а следовательно, основанного на сличении китайского перевода с монгольским подлинником, по[чему] и указано и даже необходимо в наших условиях привлечение его к текстологической работе. По распределению материалов место для использования Ли Вэнь-тяня назначено в III томе при издании китайско-монгольского текста в китайских знаках, а потому и не должно быть следов его использования в I томе. К сотрудничеству в III томе намечались кабинетом китаисты, в том числе и рецензент.

4) Зачем было не издать просто рукопись П. Кафарова с русской транскрипцией китайско-монгольского текста хроники, тем более, что скоро предстоит 125-летие со дня рождения этого ученого?

Ответ: Такое предложение, как всем известно, выдвигалось не раз, но никогда не было принято. По всему видно, что П. Кафаров впервые вы-

полнил эту работу только для оказания помощи монголистам и издавать ее никогда не собирался. Все, кто трудился над Сокровенным сказанием (а именно А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, П. Пеллио), пользовались этой рукописной книгой, как и впредь могут ею пользоваться все немногочисленные специалисты. Едва ли, однако, согласятся с мыслью о том, что издание, транскрипции П. Кафарова, хоть в какой-то мере, снимает с очереди вопрос об издании и всестороннем исследовании этого памятника совершенно исключительного значения.

5) Перевод Сокровенного сказания с монгольского языка не стоит никакого труда по своей легкости.

Ответ: Непонятно, почему же никто из ученых и, прежде всего, конечно, сам рецензент, его не издал. А прошло еще 75 лет с тех пор, как памятник стал европейской науке известен.

6) Зачем было издавать в 1941 году тексты и словари Сокровенного сказания после того, как в 1936—1939 годах в Германии вышли в свет две прекрасных работы Хэниша: прекрасный текст в 1936 г. и прекрасный словарь в 1939 г.?

Ответ: Б. И. Панкратов и без моего указания знает, что работа моя была готова к печати и сдана... еще в 1936 г., т. е. одновременно с выходом в свет текстов Хэниша и на три года раньше выхода его словаря: знает также, что действия проф. Н. Н. Поппе по продвижению работы в печать затягивались долгое время различными возражениями Б. И. Панкратова и некоторых других бывших сотрудников кабинета. Зав. кабинетом проф. Н. Н. Поппе удалось продвинуть работу в печать лишь в директорство акад. Баранникова, совпавшее с прекращением деятельности в кабинете Б. И. Панкратова и некоторых сотрудников. ...Э. Хэниш так и не издал до сих пор своего, обещанного еще в 1936 году, перевода Сокровенного сказания, хотя рецензенту эта часть работы над памятником и представляется самой легкой.

7) Как можно назвать деревенским, варварским язык китайского перевода Сокровенного сказания? В действительности язык китайского перевода является прекрасным разговорным китайским языком.

Ответ: По общепринятому в науке мнению, П. Кафарова, язык этого перевода не китайский, а монголо-китайский жаргон, на котором монголы писали свои декреты и вообще официальные документы для покоренного ими в XIII веке китайского народа. Как языком бывших своих работников, китайцы и называли этот язык «варварским», «грубым»...

II. Частные замечания

1) Автор (т. е. я) смешал гору с человеком в фразе (§ 9).

Но в этой фразе нет речи ни о человеке, ни о горе, а речь идет о продвижении к Шинчи-баян-уряняхю, на котором были поставлены шаманские идолы. По связи с предыдущей фразой Шинчи-баян-урянях называлась местность...

2) В словаре к § 8 (стр. 524) написано:

(в местности Арих-усун) сравни с агіу usun-а tögүsen рожденный от непорочной девы. Ковал, стр. 148.

т. е. написано «сравни воду с водой». Ничего нет проще, как видеть во втором выражении явную опечатку: набрано вода вместо закон. Тогда вся-

кому ясно, что в комментариях автор намерен поставить вопрос, какое чтение достоверно: родились в местности Чистые воды, как дано в Сокровенном сказании, или родились в чистом законе, как это значит в поздних летописях. Наоборот, труднее всего предположить, что кто-нибудь может смешать монгольские слова вода и закон. Однако рецензент настаивает именно на этом предположении.

3) В § 21 рецензент предложил поправить фразу перевода: «а уходит он в час, когда солнце с луной сходятся, уходит, процарапываясь, словно желтый пес», заменив его фразой китайского перевода «уходит, поднимаясь по лунным лучам». Хотя китайский перевод поэтичнее, но никак не оправдывается прозой монгольского текста и его здравым смыслом [ср. выше, с. 89—90].

4) В § 43, не обращая внимания на мою ссылку о транскрипции и переводе слова *abuḡin*, [to] есть старшая жена, по Б. Я. Владимирову, приписывает изобретение этого «нового слова» мне и по нелепым основаниям предлагает заменить это словом (?).

5) По поводу перевода § 64 и др. слова рецензент настаивает на необходимости замены перевода, казачья телега или арба словом большая телега, так как в китайском переводе значит именно это слово (да чэ). Однако это предложение по почину акад[емика] Б. Я. Владимировца переводится именно словом «арба» или «казачья телега», где, вполне возможно, указывает[ся] на известный народ — казах... [ср. выше, с. 90—91].

6) В § 64 рецензент находит невозможным также переводить слова песни... «жены (у нас) щитоны, а девы кротки», так как женщины щитов не носили. Понимание же иносказательное, в смысле «у нас, как щит, неприступны», рецензента не удовлетворяет. Пока он не дал своего толкования.

7) В § 74 внесено предложение не переводить слова [чигэрсун широко] словами лыково лукошко, а словами пихтовый кол; слово же [укитала бохталацу] переводить не словами «крепко прилаживать рабочую вдовью шапочку», а просто «одевать шапку». С этими замечаниями следует согласиться... [ср. выше, с. 91].

8) Во фразе § 79 «овечки, должно быть, обляняли, слюни свои подобрали...», несмотря на соответствие перевода надписанному китайскому словарю, рецензент не видит смысла. Проекта нового перевода пока не удалось установить [ср. выше, с. 91—92].

9) По поводу текста и перевода фразы из § 281 «я окончательно покорил Лихудский народ (Гиньское царство)» ...В транскрипции П. Кафарова (стр. 258) читаем: «Лихудунь (в подстрочном переводе Гиньское царство, или Гини). Почему они названы Лихудунь, неизвестно»... известно, что Хэниш читает Чжа-хут, но известно также, что манускрипт транскрипции Кафарова, хранившийся десятки лет у работавшего над памятником А. М. Позднеева, содержит несколько карандашных поправок, сделанных по указанию П. Кафарова... [ср. выше, с. 83].

...Само собой разумеется, что место для обсуждения этого разночтения в текстологических комментариях, а место этих последних — во II и III томах работы [ААН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 421, лл. 83—86].

*Публикация М. Ф. Чигринского
Консультант И. В. Кульганек*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев В. М.* Наука о Востоке. М., 1982.
  2. *Викторова Л. Л.* Монголы. М., 1980.
  3. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. М., 1934.
  4. *Зограф И. Т.* Монгольско-китайская интерференция (язык монгольской канцелярии в Китае). М., 1984.
  5. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.; Л., 1941.
  6. *Котвич В. Л.* К изданию Юань-чао би-ши // Записки коллегии востоковедов. Т. 1. Л., 1925.
  7. *Лауфер Б.* История монгольской литературы. Л., 1927.
  8. *Народы Восточной Азии.* М.; Л., 1965.
  9. *Позднеев А. М.* Лекции по истории монгольской литературы в 1895/1896 гг. Записал и издал студент Х. П. Кристи. 1896.
  10. *Позднеев А. М.* О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юань-чао ми-ши // Известия Императорского Русского Археологического общества. Т. 10. Вып. 3—6. 1894.
  11. *Позднеев А. М.* Транскрипция палеографического текста Юань-чао ми-ши [б/м, б/д].
  12. *Успенский В. Л.* О переводе «Сокровенного сказания» Цэндэ-гуна [рукопись].
  13. *Чулууны Далай.* Монголия в XIII—XIV веках. М., 1983.
  14. *Яхонтова Н. С.* История изучения «Юань-чао би-ши» в России и СССР [рукопись].
  15. *Цэрэнпил Д., Сержав В.* Монголын нууц товчооны ном зүй, судалын гоём (Библиография работ по «Сокровенной истории монголов»). Улаан баатар, 1990.
  16. *Чэнь Шу.* Пинпузу гэю синь (Новый перевод народных песен пинпу) // Лежэнь вэнь-хуа, 1991.
  17. *Haenisch E.* Manghol un niuca tobca'an (Yüan-ch'ao-pi-shi). Die geheime Geschichte der Mongolen aus der chinesischen Transkription (Ausgabe Ye Têh-hui) im mongolischen Wortlaut wiederher gestellt. Lpz., 1937.
  18. *Haenisch E.* Wörterbuch zu Manghol un niuca tobca'an (Yüan-ch'ao-pi-shi). Die geheime Geschichte der Mongolen. Lpz., 1939.
  19. *Mostaert A.* Sur Quelques passages de L'Histoire Secrète des Mongols // Harvard Journal of Asiatic Studies. V. 13. N 3, 4. 1950. P. 285—361; V. 14. N 3, 4. 1951. P. 329—403; V. 15. N 3, 4. 1952. P. 285—397.
  20. *Pauthier G.* De L'Alphabet de Pá-sse-pa et de la Têntave Faite par Khubilai-khan au XIII siècle de notre ère pour transcrire la langue figurative des Chinois au moyen d'une Ecriture alphabetique // Journal Asiatique. Ser. 5. 1862. T. 19.
-